

ГЕЙЛ КАРСОН ЛИВАЙН

ЗАКОЛДОВАННАЯ ЭЛЛА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Заколдованные

Гейл Карсон Ливайн
Заколдованная Элла

«Азбука-Аттикус»

1997

Ливайн Г.

Заколдованная Элла / Г. Ливайн — «Азбука-Аттикус»,
1997 — (Заколдованные)

ISBN 978-5-389-08278-6

Элла живет в волшебном королевстве, но волшебство не всегда бывает в радость. По крайней мере, дар, которым наградила ее при рождении одна фея, основательно осложняет Элле жизнь. И Элла решает отправиться на поиски феи, чтобы уговорить ее забрать этот волшебный дар обратно... Эта сказочная, остроумная и трогательная история принесла ее автору, Гейл Карсон Ливайн, мировую славу и множество поклонников, в 2004 году книга была блестяще экранизирована, и роль Эллы сыграла Энн Хэтэуэй. Впервые на русском языке!..

ISBN 978-5-389-08278-6

© Ливайн Г., 1997
© Азбука-Аттикус, 1997

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	12
Глава четвертая	16
Глава пятая	21
Глава шестая	25
Глава седьмая	28
Глава восьмая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Гейл Карсон Ливайн

Заколдованная Элла

Роман

Глава первая

Эта дуручка фея Люсинда и не собиралась меня проклинать. Хотела наградить волшебным даром. Весь первый час своей жизни я рыдала так безутешно, что мой рев навел ее на «блестящую» мысль. Фея сочувственно покивала маме и притронулась к моему носу.

– Мой дар – послушание. Элла будет всех слушаться. Не плачь, дитя мое.

Я перестала плакать.

Отец, как всегда, уехал по своим торговым делам, зато дома была наша кухарка Мэнди. Они с мамой страшно перепугались, но сколько ни втолковывали Люсинде, что за медвежью услугу она мне оказала, эта тупица так ничего и не поняла. Я частенько представляла себе, как они спорят: у Мэнди на лице проступили все веснушки, буйная седая шевелюра растрепалась, двойной подбородок колыхается от злости, а мама напряженно застыла – каштановые кудри еще влажные от пота после родов, и смех в глазах погас.

Люсинду я при этом себе не представляла. Я же не знала ее в лицо.

Снимать проклятие она отказалась.

До меня дошло, какой это кошмар, в день, когда мне исполнилось пять лет. Этот день прямо стоит у меня перед глазами: Мэнди пересказывала мне эту историю тысячу раз.

– На твой день рождения, – начинает она, – я испекла прекрасный торт. Шесть коржей!

Наша старшая горничная Берта сшила мне нарядное платье.

– Темно-темно-синее с широким белым поясом. Ты уже тогда была маловата ростом для своих лет, да еще с белым бантом в черных волосах и с разругавшимися щечками – ну вылитая фарфоровая кукла!

Посередине стола стояла ваза с цветами, которые собрал Натан, наш лакей.

Мы все сидели за столом (отец, само собой, уехал по делам). Я была в восторге. Я же видела, как Мэнди печет торт, Берта шьет платье, а Натан собирает цветы.

Мэнди разрежала торт. А потом положила кусок мне на тарелку и сказала не подумав:

– Ешь.

Первый кусок был невероятно вкусный. Я мигом его доела и была страшно довольна. Тогда Мэнди отрезала второй. Он дался уже не так легко. Больше мне торта не положили, но я чувствовала, что обязана съесть еще. И воткнула вилку в торт на блюде.

– Элла, что ты делаешь?! – возмутилась мама.

– Вот поросенок, – рассмеялась Мэнди. – У нее день рождения, госпожа. Пусть ест сколько хочет.

И положила мне еще кусок.

Меня замутило, я испугалась. Почему мне не остановиться?

Каждый глоток был как пытка. Каждый кусок тяжело ложился на язык, и я с усилием проталкивала его внутрь, словно липкий ком засохшего клея. Я заплакала – но все ела и ела.

Мама первая поняла, что происходит.

– Элла, перестань есть, – велела она.

Я перестала.

Помыкать мной мог кто угодно – стоило лишь отдать мне приказ. Только это должен был быть именно приказ, например: «Надень шарфик» или «А сейчас ты должна идти спать».

Просьбы и пожелания на меня не действовали. Фразы вроде «Я бы хотела, чтобы ты надела шарфик» или «Уже пора спать, тебе не кажется?» я могла безнаказанно пропустить мимо ушей. Но против приказа я была бессильна.

Если бы кто-нибудь приказал мне пропрыгать на одной ножке сутки напролет, мне бы пришлось послушаться. Между прочим, прыгать на одной ножке – не самый скверный приказ. Прикажи мне кто-нибудь, чтобы я отрезала себе голову, я бы отрезала.

Моя жизнь была полна опасностей.

Когда я подросла, то научилась слушаться приказов не сразу, однако каждый миг дорого мне стоил – я задыхалась, меня тошнило, голова шла кругом, все болело... Долго продержаться мне не удавалось никогда. Даже несколько минут оборачивались пыткой.

У меня была фея-крестная, и мама просила ее снять заклятие. Однако фея-крестная сказала, что снять его может только сама Люсинда. Правда, добавила она, чары, возможно, удастся разрушить и без помощи Люсинды, но не сейчас.

Как – я не знала. Я даже не знала, кто, собственно, такая моя фея-крестная.

* * *

Проклятие Люсинды сделало меня не кроткой, а, наоборот, жутко своенравной. Хотя, возможно, это у меня от природы.

Мама никогда не отдавала мне строгих распоряжений. Отец о проклятии не знал, да и видел меня так редко, что особенно ничего не приказывал. А вот Мэнди любила покомандовать. По доброте душевной и «ради твоего же блага». «Оденься потеплее, Элла». Или «Подержи миску, лапочка, пока я взбиваю яйца».

Эти команды мне не нравились, хотя и вреда от них не было. Миску я держала, но при этом бегала по всей кухне, а Мэнди приходилось гоняться за мной. Она называла меня проказницей и пыталась подловить – отдавала более точные распоряжения, – а я в ответ придумывала новые уловки. Вот и получалось, что, когда мы с ней делали что-то вместе, это частенько сильно затягивалось, особенно если мама, хохоча, принималась подкалывать нас по очереди.

Кончалось все хорошо: или я все-таки решала сделать, как Мэнди велит, или Мэнди меняла гнев на милость и просила, а не приказывала.

Если Мэнди по рассеянности отдавала мне распоряжение, а я понимала, что она это не всерьез, я спрашивала: «Это обязательно?» И она всегда задумывалась над своими словами.

Когда мне было восемь лет, у меня была подружка по имени Памела, дочка одной нашей служанки. В один прекрасный день мы с ней торчали в кухне – смотрели, как Мэнди готовит марципаны. Мэнди отправила меня в кладовку принести еще миндаля, а я вернулась с двумя орешками – и все. Тогда она велела мне сходить еще раз и уже точнее объяснила, что ей нужно, и тут уж я выполнила указания, но мне все равно удалось потянуть время и позлить ее.

Потом, когда мы с Памелой побежали в сад поесть марципанов, она спросила, почему я сразу не послушалась Мэнди.

- Терпеть не могу, когда она командует, – сказала я.
- А я всегда слушаюсь старших, – надменно ответила Памела.
- Тебе необязательно, вот и слушаешься.
- Еще как обязательно, а то папа меня нашлапает.
- У меня совсем другое дело. Меня заколдовали.

Я страшно загордилась: это прозвучало так веско. Колдовство было редкостью. Феи не разбрасывались чарами направо и налево и людей не заколдовывали – кроме Люсинды, конечно.

- Как Спящую красавицу?!
- Да, только мне не придется проспать сто лет.

– А что на тебе за чары?

Я рассказала.

– Если кто-нибудь что-нибудь тебе прикажет, ты послушаешься? Даже меня?!

Я кивнула.

– Можно, я попробую?

– Нет!

Такого я не предусмотрела. И сменила тему:

– Давай наперегонки до калитки!

– Ладно, только я приказываю тебе проиграть!

– Тогда я не хочу наперегонки.

– Я приказываю тебе бежать со мной наперегонки и проиграть!

Мы побежали. Я проиграла.

Мы собирали ягоды. Мне пришлось отдавать самые спелые и сладкие Памеле. Мы играли в красавицу и чудовище. Я была чудовищем.

Не прошло и часа после моего признания, как я стукнула Памелу. Она расплакалась, из носа у нее пошла кровь.

В тот день нашей дружбе пришел конец. А мама нашла для матери Памелы другое место – подальше от нашего города под названием Фрелл.

Мама наказала меня за рукоприкладство, а потом отдала один из своих редких приказов: никогда никому не говорить о проклятии. Правда, я бы все равно не стала. Уже поняла, что надо быть осторожной.

* * *

Когда мне было почти пятнадцать, мы с мамой простудились. Мэнди кормила нас лечебным супом – морковка, порей, сельдерей и волоски из хвоста единорога. Очень вкусно, только неприятно смотреть, как плавают среди овощей длинные желтовато-белые волоски.

Поскольку отец снова уехал, мы с мамой ели суп у нее в постели. Если бы отец был дома, я бы вообще не заглядывала к маме в комнату. Отец не любил, когда я попадалась ему на глаза, – он говорил, что я вечно кручусь под ногами.

Я глотала суп вместе с волосками – ведь Мэнди так велела, – хоть я и корчила брезгливые гримасы и в тарелку, и в спину удалившейся Мэнди.

– Подожду, пока остынет, – сказала мама. А когда Мэнди ушла, вытащила волоски, съела суп и положила их обратно в пустую тарелку.

На следующее утро я узнала, что маме стало хуже – она даже не может ни есть, ни пить. Она жаловалась, что в горле у нее словно ножи, а в голове – стенобитный таран. Я прикладывала ей на лоб полотенца, смоченные в холодной воде, и рассказывала всякие истории. Это были старые, давно знакомые волшебные сказки, но я там кое-что меняла, и иногда мама даже смеялась. Только смех всегда переходил в кашель.

Когда Мэнди велела мне идти спать, мама поцеловала меня в лоб:

– Спокойной ночи. Я тебя люблю, радость моя.

Это было последнее, что она мне сказала. Уходя, я слышала, как она говорит Мэнди:

– Мне скоро станет лучше. Не надо посылать за сэром Питером.

Сэр Питер – это мой отец.

Наутро мама проснулась, но в себя так и не пришла. Глаза у нее были открыты, и она болтала с невидимыми придворными и теребила серебряное ожерелье. Ни мне, ни Мэнди она ничего не говорила, хотя мы сидели рядом.

Лакей Натан привел врача, и тот тут же прогнал меня от мамы.

В коридоре было пусто. Я прошла по нему и спустилась по винтовой лестнице, припоминая, сколько раз мы с мамой съезжали по перилам.

Конечно, при посторонних мы себе такого не позволяли. «Надо держаться с достоинством», – шептала мне мама и спускалась по лестнице, держась особенно величаво. А я шла следом, стараясь ей подражать и борясь с природной неуклюжестью, и радовалась, что играю в ее игру.

Но когда мы были одни, то предпочитали с визгом и хохотом съезжать по перилам. А потом снова бежать наверх и снова съезжать – и два, и три, и четыре раза.

Спустившись до самого низа, я открыла тяжелую парадную дверь и выскользнула на яркий солнечный свет.

Идти к старому замку было далеко, но я хотела загадать желание, а делать это надо было именно там: желания, загаданные в старом замке, чаще всего сбывались.

Замок забросили, когда король Джеррольд был еще маленький, хотя туда иногда приезжали по особым случаям – на закрытые балы, свадьбы и так далее. Но Берта все равно твердила, что там водятся привидения, а Натан – что там полно мышей. Сад вокруг замка совсем зарос, и все же волшебные деревья-канделябры, по словам Берты, сохранили свое могущество.

Вот я и двинулась прямо в рощу из деревьев-канделябров. Это были небольшие деревца, которые специально подстригали и перевязывали проволокой, чтобы они росли в форме подсвечников.

Когда загадываешь желание, надо предлагать что-то взамен. Я закрыла глаза и задумалась.

– Если маме скоро станет лучше, я буду хорошей, а не просто послушной. Я изо всех сил постараюсь не быть такой неуклюжей и пореже дразнить Мэнди.

Я не попросила, чтобы мама осталась жива, ведь мне и в голову не приходило, что она может умереть.

Глава вторая

...Оставив безутешного мужа и дочь...

Наш долг – поддержать их, – закончил верховный советник Томас свою нудную речь, которая затянулась на битый час. Иногда в речи упоминалась и мама. По крайней мере, часто звучали слова «леди Элеонора», однако ее описание – «заботливая мать, преданная супруга, верная гражданка своей страны» – скорее подошло бы самому верховному советнику, а не маме, с поправкой на мужской род, конечно. Говорилось в речи и о смерти, но куда больше – о службе на благо Киррии и ее правителей, короля Джеррольда, принца Чарманта и всей королевской семьи.

Отец взял меня за руку. Ладонь у него была влажная и горячая, словно болото с гидрой. Я очень жалела, что мне не позволили стоять рядом с Мэнди и остальными слугами.

Я высвободилась и отодвинулась на шаг. Отец подошел ближе и снова взял меня за руку.

Мамин гроб был из полированного красного дерева с резными узорами, изображавшими фей и эльфов. Вот только феи не могли выпорхнуть из деревянных завитушек и оживить маму своими чарами. А еще – вот бы кто-нибудь из них отправил отца куда подальше. А может быть, все это было по силам моей фее-крестной – если бы я знала, где ее искать!

Когда верховный советник наконец замолчал, я должна была закрыть гроб, чтобы маму опустили в могилу, – мне это поручили. Отец положил руки мне на плечи и вытолкнул меня вперед.

Губы у мамы были сурово сжаты – при жизни она так никогда не делала. И лицо стало пустое, и это было ужасно. Но еще хуже было слышать, как скрипнула крышка гроба, когда я ее опустила, и как она сухо защелкнулась. И думать о том, что маму убрали в ящик, словно ненужный хлам.

Весь день я сдерживала слезы, а теперь они прорвались наружу. При всей королевской свите я ревела, будто младенец, и не могла остановиться.

Отец прижал меня к груди. Наверное, со стороны казалось, будто он меня утешает, но на самом деле он просто хотел заглушить неприличный вой, а вой не заглушался. Тогда отец выпустил меня. И приказал резким шепотом:

– Вон отсюда. Вернешься, когда сможешь держать себя в руках.

Впервые в жизни я была рада послушаться. И бросилась бежать. Наступила на подол тяжелого черного платья и упала. Никто не успел броситься мне на помощь, я вскочила и снова кинулась бежать – ладонь и коленка горели огнем.

Самым большим деревом на кладбище была плакучая ива – дерево скорби. Я продралась сквозь завесу ветвей и бросилась на землю, судорожно всхлипывая.

Все говорили, мол, я потеряла маму, но ведь мама не потерялась. Просто ее больше нет, и сколько бы я ее ни искала – в другом городе, в другой стране, в Гномьих Пещерах или в Царстве Фей, – я ее не найду.

Мы больше никогда не поговорим, не посмеемся вместе. Не пойдем купаться в реку Люцарно. Не будем кататься по перилам, не станем дурачить БERTУ. Да мало ли что...

Когда слезы иссякли, я села. Платье спереди было уже не из черного шелка, а из бурой грязи.

Как сказала бы Мэнди, я представляла собой роскошное зрелище.

Сколько прошло времени? Надо вернуться. Отец мне велел, и проклятие настырно тянуло меня послушаться.

За стеной из ветвей, окружавшей мое убежище, стоял принц Чармант и читал надпись на каком-то надгробии. Я впервые в жизни видела принца вблизи. Неужели он слышал мой рев?

Принц был всего на два года старше меня, но гораздо выше и стоял совсем как его отец – расставив ноги и сложив руки за спиной, будто на смотре, когда мимо шагала вся страна. И лицом он был похож на отца, хотя резкие черты Джеррольда во внешности сына проявлялись гораздо мягче. У обоих были рыжеватые кудри и смуглая кожа. Короля я вообще никогда не видела вблизи и не знала, есть ли у него на носу веснушки – редкость при таком цвете лица.

– Дальний родственник, – пояснил принц, показав на надгробие. – Никогда его не любил. А твою маму я любил. – Он двинулся обратно к ее могиле.

Надо ли мне идти за ним? Или мне полагается держаться от королевской особы на почтительном расстоянии?

Я пошла с ним рядом, – правда, между нами могла проехать карета. Принц подошел поближе. Тут я обнаружила, что он тоже плакал, только не падал, а потому не перемазался.

– Зови меня Чар, – вдруг сказал принц. – Меня все так называют.

Неужели и мне можно?! Мы пошли дальше, не говоря ни слова.

– Отец тоже называет меня Чар, – добавил принц.

Сам король!

– Благодарю вас, – сказала я.

– Спасибо тебе, Чар, – поправил принц. И продолжил: – Твоя мама умела меня насмешить. Один раз на приеме советник Томас произносил речь. Он говорил, а твоя мама вертела в руках салфетку. Я наблюдал за ней, пока твой отец не смял салфетку. В руках твоей мамы из салфетки получился профиль советника с открытым ртом и выпяченным подбородком. Ну точь-в-точь Томас, только голубенький и тряпичный. Пришлось остаться без обеда – надо было убежать куда-нибудь и как следует просмеяться.

Мы прошли уже полдороги. Начинался дождь. Вдали, у маминой могилы, маячила маленькая фигурка. Отец.

– Куда все делись? – спросила я Чара.

– Разошлись еще до того, как я отправился тебя искать, – ответил он. – Ты хотела, чтобы они тебя дождались? – встревоженно спросил он, словно ему пришло в голову, будто он должен был их задержать.

– Нет, конечно, я хотела, чтобы никто меня не ждал, – сказала я: вот было бы хорошо, если бы и отец ушел со всеми.

– Я все про тебя знаю, – объявил Чар еще через несколько шагов.

– Правда? Откуда?

– Наша кухарка встречается с вашей кухаркой на рынке. И перемывают нам кости. – Он покосился на меня. – А ты – ты много обо мне знаешь?

– Нет. – Мэнди никогда ничего не говорила. – А ты?

– А я знаю, что ты умеешь подражать чужим повадкам, прямо как леди Элеонора. Один раз ты передразнила вашего старшего лакея, так он сам не понял, ты это или он. Ты сочиняешь волшебные сказки и вечно все роняешь и обо все спотыкаешься. А однажды разбила целый сервиз.

– Я поскользнулась на льду!

– На колотом льду, который сама же и рассыпала. – Он засмеялся. И смех этот был добрый – не надо мной, а над смешной историей.

– Случайно! – возмутилась я. Но тоже улыбнулась – дрожащей улыбкой, ведь я совсем недавно плакала.

Мы дошли до отца, он поклонился:

– Благодарю вас, ваше высочество, что вы составили компанию моей дочери.

Чар поклонился в ответ.

– Пойдем, Элеонора, – сказал отец.

Элеонора... Меня в жизни не называли полным именем. Элеонора – это мама. И всегда будет мама.

– Элла. Я Элла, – сказала я.

– Ну, Элла так Элла. Пойдем, Элла.

Он еще раз поклонился принцу Чарманту и забрался в карету.

Мне пора было идти. Чар посадил меня. Я не знала, как положено – дать ему руку или позволить поддержать под локоть. В итоге он взял меня выше локтя, а мне пришлось другой рукой схватиться за дверцу кареты, чтобы не упасть. А когда Чар закрыл дверцу, я подобрала юбку – и раздался громкий треск. Отец поморщился. Я посмотрела в окно и увидела, что Чар опять смеется. Поглядела на юбку – на шесть дюймов выше подола красовалась огромная дыра. Даже Берта нипочем не сумеет зашить ее так, чтобы не было видно.

Я отодвинулась подальше от отца. Он уставился в окно.

– Хорошо получилось. Весь Фрелл пришел – по крайней мере, все заметные люди, – проговорил он, словно речь шла не о маминых похоронах, а о бале или турнире.

– Ничего хорошего. Было ужасно, – буркнула я. Разве мамины похороны могут быть хорошими?

– Принц к тебе благоволит.

– Он любил маму.

– Твоя мать была красавица. – В его голосе прозвучало сожаление. – Печально, что ее больше нет.

Натан щелкнул кнутом, и карета тронулась.

Глава третья

Когда мы вернулись в усадьбу, отец приказал мне переодеться в чистое и поскорее возвращаться, чтобы встречать гостей с их соболезнованиями.

В моей комнате царили мир и покой. Все было в точности так, как до маминой смерти. Птички на покрывале резвились среди листвы в своем уютном вышитом мирке. На туалетном столике лежал мой дневник. Подруги детства – тряпичная кукла Флора и деревянная кукла Розамунда в платье с семью воланами – устроились в своей корзинке.

Я села на кровать, борясь с порывом тут же исполнить отцовский приказ, переодеться и бежать вниз. Мне страстно хотелось посидеть в привычной комнате на привычной кровати и хоть немного успокоиться, но в голове вертелось только одно: отец велел переодеться.

Как-то раз я подслушала, как Берта говорит Мэнди, что, мол, отец только с виду человек, а внутри у него прах пополам с монетами и еще здоровенный мозг.

Но Мэнди с ней не согласилась.

– Нет, он самый настоящий человек. Только люди могут быть такими самовлюбленными – не то что феи, гномы или эльфы.

Я сопротивлялась одеванию целых три минуты. Это была моя жестокая игра – пытаться разрушить чары, смотреть, сколько я смогу выстоять в борьбе с необходимостью исполнить приказ. В ушах у меня жужжало, пол накренился – я испугалась, что вот-вот свалюсь с кровати. Вцепилась в подушку – даже руки заболели, – словно подушка держала меня, словно якорь, и помогала не слушаться.

На секунду мне показалось, будто сейчас я просто разорвусь на тысячу клочков. Я встала и шагнула к шкафу. И все тут же прошло.

Отец, конечно, имел в виду другое траурное платье, но я надела мамино любимое. Мама говорила, травянисто-зеленый оттенок подчеркивает цвет моих глаз. Я-то считала, что в этом платье я вылитый кузнечик – тощий, угловатый кузнечик с человеческой головой и прямыми волосами.

Зато платье было не черное. Мама терпеть не могла черную одежду.

Парадная зала была набита людьми в черном. Отец тут же подошел ко мне.

– Это моя девочка, Элеонора-младшая, – громко сказал он. И повел меня дальше, шепча мне на ухо: – В этом платье ты вылитая лесная полянка. А должна быть в трауре. Все решат, что ты совсем не скорбишь по...

Тут меня сзади обхватили две пухлые руки, обтянутые черным атласом.

– Бедное дитя, мы стра-а-ашно тебе сочувствуем! – Голос был сладкий-пресладкий. – Ах, сэр Питер, как ужасно, что мы видимся по такому печальному случаю! – Меня крепко стиснули еще раз и только потом отпустили.

Это оказалась высокая полная дама с густыми длинными локонами медового цвета. Лицо у нее было белое, будто тесто, с двумя пятнами румян на щеках. Рядом стояли две ее уменьшенные копии, только без румян. Та, что помладше, не унаследовала и роскошных волос матери – ее жидкие кудряшки облепляли голову, словно приклеенные.

– Это ее сиятельство Ольга, – сказал отец, прикоснувшись к руке высокой дамы.

Я сделала книксен и случайно толкнула младшую девочку.

– Прошу прощения, – сказала я.

Она не ответила и даже не пошевелилась – глядела на меня, и все.

– Это ваши очаровательные дочери? – продолжал отец.

– Мои сокровища. Это Хетти, а это Оливия. Через несколько дней они уедут в пансион для благородных девиц.

Хетти была постарше меня года на два.

– Рада нашей встрече, – улыбнулась она, показав крупные передние зубы. И протянула мне руку – будто рассчитывала, что я поцелую ее или склонюсь над ней.

Я растерянно уставилась на Хетти. Она опустила руку, не переставая улыбаться.

Оливией звали ту, которую я толкнула.

– Приятно познакомиться, – слишком громко сказала она.

Мы с ней были примерно одних лет. Между бровей у нее залегли складки – словно она постоянно хмурилась.

– Утешьте Элеонору в ее горе, – велела дочерям ее сиятельство Ольга. – Мне нужно поговорить с сэром Питером.

Она взяла отца под руку, и они отошли.

– Мы тебе очень сочувствуем, – заявила Хетти. – Когда ты разревелась на похоронах, я сразу подумала: «Ах, бедняжка!»

– Зеленый – не траурный цвет, – добавила Оливия.

Хетти оглядела залу.

– Красивое убранство, почти как во дворце, – надеюсь, я скоро там поселюсь. Наша матушка Ольга говорит, твой отец очень богат. Говорит, он из ничего деньги делает.

– Из воздуха, – уточнила Оливия.

– Наша матушка Ольга говорит, твой отец был беден, пока не женился на твоей матери. Наша матушка Ольга говорит, леди Элеонора и до замужества была богата, но твой отец сделал ее еще богаче.

– Мы тоже богатые, – сказала Оливия. – Богатство – большое счастье.

– Покажи нам дом, пожалуйста, – попросила Хетти.

Мы пошли наверх, и Хетти потребовалось везде совать свой нос. Она открыла платяной шкаф в маминей спальне, не успела я и слова сказать, и провела рукой по всем маминым платьям. А когда мы вернулись в залу, она провозгласила:

– Сорок два окна, и в каждой комнате по камину. Каждое окно, наверное, стоило целый сундук золотых джеррольдов!

– Хочешь, расскажем про нашу усадьбу? – предложила Оливия.

Мне было все равно, где они живут, да хоть в дупле.

– Приезжай к нам в гости, сама все увидишь, – сказала Хетти в ответ на мое молчание.

Рядом с нами был стол, уставленный блюдами с угощением – от зажаренного целиком оленя с рогами, увитыми плющом, до сдобных печений, крошечных и кружевных, как снежинки. Я удивилась – когда Мэнди успела столько наготовить?

– Хотите перекусить?

– Да... – буркнула Оливия, но сестрица оборвала ее:

– Ах, нет-нет. Спасибо. Мы никогда не едим в гостях. От волнения совершенно пропадает аппетит.

– У меня аппетит не... – снова начала Оливия.

– У нас вообще очень плохой аппетит. Матушка даже волнуется. Но здесь все такое вкусное... – Хетти бочком пододвинулась к столу. – Перепелиные яйца, настоящий деликатес! Десять медных джеррольдов за штуку. Оливия, здесь их полсотни, не меньше!

Больше яиц, чем окон.

– Люблю печенье с крыжовником, – сказала Оливия.

– Нельзя, – отрезала Хетти. – Ну, разве только чуточку...

Слопать целую оленью ногу с горой дикого риса и восемью (из полусотни) перепелиными яйцами, а потом еще и вернуться за сладким было бы не под силу даже великану. Но Хетти съюжила.

Оливия съела еще больше. Печенье с крыжовником, сдобные слойки с изюмом, бисквитные пирожные с кремом, сливовый пудинг, шоколадные конфеты и пряная коврижка – и все это щедро сдобренное ромовым маслом, абрикосовым соусом и мятной подливкой.

Они держали тарелки у самого лица, чтобы вилками сильно не размахивать. Оливия жевала не переставая, а Хетти то и дело откладывала вилку и изящно промокала губы салфеткой. А потом принималась набивать рот – с прежней жадностью.

Смотреть на них было противно. Я опустила глаза и увидела коврик, который раньше лежал у мамы под креслом. Сегодня его постелили, чтобы не испачкать пол едой. Раньше я к нему не присматривалась.

Охотники с собакой гнали вепря к краю, отороченному алой шерстяной бахромой. Тут я заметила, что картинка движется. Ветер пошевелил траву под ногами вепря. Я заморгала, все замерло. Я снова вгляделась в коврик – трава опять зашевелилась.

Собака только что лаяла – я видела, как расслабились мышцы у нее на горле. Один из охотников хромал – я ощутила, как свело у него ногу. Вепрь совсем запыхался, но бежал дальше, гонимый страхом и яростью.

– Куда ты уставишься? – спросила Оливия. Наелась, наверное.

Я вздрогнула. У меня было такое чувство, словно я очутилась там, в коврике, рядом с охотниками и вепрем.

– Никуда. Смотрела на ковер.

Я снова опустила глаза. Коврик как коврик, с обычным рисунком.

– У тебя глаза вытаращились.

– Прямо будто у огра, – сказала Хетти. – Круглые-прекруглые. О, а сейчас ты вроде бы нормальная на вид.

Саму-то ее нормальной было не назвать. Она была похожа на кролика. На жирного кролика – Мэнди любила покупать таких на жаркое. А у Оливии лицо было тупое, что твой помидор.

– А у тебя, наверное, глаза никогда не таращатся, – заметила я.

– Пожалуй, да, – самодовольно ответила Хетти.

– Малюсенькие, вот и таращить нечего.

Хетти по-прежнему улыбалась, только теперь улыбка стала будто нарисованная.

– Я прощаю тебя, деточка. Мы, сливки общества, не злопамятны. Твоя бедная матушка тоже славилась дурным воспитанием.

Мама чем-то славилась. Прошедшее время. У меня перехватило горло.

– Крошки мои! – налетела на нас ее сиятельство Ольга. – Нам пора идти.

Она обняла меня – и мне стало тошно от запаха прогорклого молока.

Они ушли. Отец стоял у кованых ворот и прощался с остальными гостями. Я побрела в кухню, к Мэнди.

Она составляла стопками грязные тарелки.

– Можно подумать, они неделю маковой росинки в рот не брали!

Я надела передник и накачала насосом воды в раковину.

– Просто они раньше не пробовали твоих разносолов.

Мэнди готовила лучше всех на свете. Мы с мамой иногда стряпали по ее рецептам. Мы в точности следовали ее указаниям, и получалось вкусно – но не так волшебным, как у самой Мэнди.

От этого я почему-то вспомнила про коврик.

– Там, в зале, был ковер с охотниками и вепрем – помнишь такой? Я на него засмотрелась, и вот что странно...

– Ай, глупышка. Ну зачем тебе было глядеть на старый коврик?

– А что, нельзя?

- Подумаешь, феи напроказили...
- Этот коврик – подарок фей!
- А ты откуда знаешь?
- Его подарили госпоже.
- Мэнди всегда называла маму «госпожа».
- И явно увиливала от ответа.
- Кто подарил – моя фея-крестная?
- Давным-давно.
- Мама говорила тебе, кто моя фея-крестная?
- Нет, не говорила. Где твой отец?
- Прощается с гостями у ворот. Может, ты все равно знаешь? Хотя она тебе и не говорила?
- Что я знаю?
- Кто моя фея-крестная.
- Если бы мама хотела, чтобы ты знала, она бы сама тебе сказала.
- Она собиралась сказать. Обещала. Мэнди, ну скажи!
- Я.
- Что – я? Зачем ты все время темнишь?
- Я. Я твоя фея-крестная. Попробуй-ка морковный суп. Это к ужину. Ничего?

Глава четвертая

Рот у меня открылся сам собой. Туда мгновенно проскочила ложка и влила в меня глоток горячего – но не обжигающего – супа. Мэнди собирала морковку как раз тогда, когда она была сладкая-сладкая, морковная-морковная. Морковная сладость переплеталась с другими вкусами – лимона, черепахового бульона, незнакомых пряностей. Лучший морковный суп на всем белом свете, волшебный суп, который могла сварить одна лишь Мэнди.

Коврик. Суп. Волшебный суп. Мэнди – фея!

Но если Мэнди – фея, мама не могла умереть!

– Ты не фея!

– Почему:

– Если бы ты была фея, ты бы ее спасла!

– Ах, лапочка, спасла бы, если бы могла. Не вынула бы она волосок из моего лечебного супа, была бы жива и здорова!

– Ты все знала? Как ты ей позволила?!

– Не знала, пока она не разболелась. А когда человек умирает, мы ничего не можем сделать.

Я рухнула на табуретку у плиты и разрыдалась – даже дышать не могла. Тут Мэнди крепко обняла меня, и я ревела, а слезы текли в оборки ее передника – где ревела столько раз по куда менее серьезным причинам.

Мне на руку упала капля. Мэнди тоже плакала. Лицо у нее было все в красных пятнах.

– Я была и ее фея-крестная, – сказала она. – И твоей бабушки.

Я отстранилась от Мэнди и поглядела на нее свежим взглядом. Какая же она фея? Феи – они стройные, юные и прекрасные. Ростом Мэнди была с фею, что да, то да, но где это видано, чтобы у феи были растрепанные седые кудряшки и двойной подбородок?!

– Покажи! – потребовала я.

– Что тебе показать?

– Что ты фея. Растай в воздухе или еще что-нибудь наколдуй.

– Я тебе ничего не обязана показывать. Кстати, феи никогда не тают в воздухе при посторонних, кроме Люсинды, конечно.

– Не умеете, что ли?!

– Всё мы умеем, только так не принято. Наглости и глупости на подобные фокусы хватает только у Люсинды.

– Почему это глупость?

– Все сразу догадуются, что ты фея. – Она принялась мыть посуду. – Помоги мне.

– А Натан и Берта – они знают? – Я стала таскать тарелки в раковину.

– Что они знают?

– Что ты фея.

– Опять ты за свое. Нет, никто, кроме тебя, ничего не знает. А ты будь любезна держать язык за зубами. – И Мэнди огрела меня самым свирепым своим взглядом.

– Почему?!

Она зашипела на меня.

– Ладно, буду. Честное слово. Но почему?!

– А я тебе объясню. Феи людям нравятся только в сказках. А стоит им ненароком встретить самую настоящую фею, и не миновать беды. – Она сполоснула блюдо. – На, вытирай.

– Почему:

– Мокрое оно, вот почему! – Она увидела, как я растерялась. – А почему не миновать беды? Если коротко, то по двум причинам. Стоит людям догадаться, что мы умеем колдовать,

и они думают – ага, пусть эти феи расхлебывают кашу, которую мы заварили! Если мы, феи, отказываемся, люди злятся. Вторая причина – мы бессмертные. Это их тоже злит. Госпожа неделю со мной не разговаривала, когда умер ее отец.

– А почему Люсинда не против, чтобы люди знали, кто она такая?

– Ей, дурочке, это даже нравится. Раздаривает жуткие дары и еще благодарности требует...

– А они всегда жуткие?

– Всегда. Жуткие они всегда, но находятся люди, которые приходят в телячий восторг от одной мысли, что получили подарок феи, даже если от этого подарка им одно горе.

– А почему мама знала, что ты фея? И я почему знаю?

– Весь род Элеоноры – Друзья Фей. В вас есть наша кровь.

Фейская кровь!

– А я тоже умею колдовать? Я тоже буду жить вечно? И мама жила бы вечно, если бы не заболела? А Друзей Фей – их много?

– Очень мало. В Киррии осталась только ты одна. Нет, солнце мое, не можешь ты ни колдовать, ни жить вечно. Просто в тебе есть капелька крови фей. Правда, кое в чем она все же сказала. Ручаюсь, ножки у тебя не растут уже несколько лет.

– Я вообще уже несколько лет не расту.

– Ничего, еще подрастешь, но ножки останутся как у феи – вот и у мамы тоже были крошечные. – Мэнди подняла подол платья и пяти нижних юбок и показала башмачки размером не больше моих. – Ноги у нас не по росту маленькие. Это единственное, чего не исправишь колдовством. Наши мужчины подкладывают в обувь вату для маскировки, а мы, дамы, прячем ноги под юбками.

Я высунула ногу из-под подола. Маленькие ножки – это изысканно, но не получится ли, что когда я подрасту, то стану из-за них еще более неуклюжей? Смогу ли вообще сохранять равновесие?

– А ты могла бы заколдовать мне ноги, чтобы они выросли? Если бы захотела, конечно? Или... – Я огляделась в поисках возможного чуда. В окно хлестал дождь. – А можешь сделать так, чтобы дождь перестал?

Мэнди кивнула.

– Сделай! Ну пожалуйста!

– Чего ради?

– Ради меня. Хочу увидеть настоящее волшебство. Серьезное.

– Всерьез мы не колдуем. Только Люсинда. Это опасно.

– Подумаешь – грозу остановить, что тут опасного, скажи на милость?!

– Может, и ничего, а может, очень даже много. Включи воображение.

– Ясное небо – это же хорошо. Все смогут гулять.

– Включи воображение, – повторила Мэнди.

Я задумалась.

– Дождь – это полезно для травы. Для посевов.

– Дальше, – кивнула Мэнди.

– А вдруг злой разбойник задумал кого-то ограбить, а из-за плохой погоды решит посидеть дома?

– Точно. А может быть, из-за меня начнется засуха и придется с этим разбираться, поскольку я во всем виновата. А потом я найшу ливень, а он сломает ветку, а ветка проломит крышу – и снова мне разбираться.

– Ну, тут ты ни при чем. Это хозяевам надо было делать крышу попрочнее.

– Может, да, а может, нет. А вдруг из-за меня начнется потоп и кто-нибудь погибнет? Вот почему нельзя колдовать по-серьезному! Я колдую только по мелочи. Вкусная еда, лечебный суп, мое коронное бодрящее снадобье...

– А когда Люсинда наложила на меня заклятие, это было серьезное колдовство, да?

– Еще бы! Вот дурья башка! – Мэнди так яростно оттирала сковородку, что та скрежетала и гремела о медную раковину.

– Расскажи, как снять заклятие. Мэнди, ну пожалуйста!

– Как – понятия не имею. Знаю только, что это возможно.

– Если я объясню Люсинде, что мне от него плохо, она его снимет? Снимет, да, Мэнди?

– Сомневаюсь, но чего в жизни не бывает. Да только вдруг она одно заклятие снимет – и тут же наградит тебя другим, еще похлеще. С Люсиндой одна беда: у нее всегда куча блестящих идей и она их в себе не держит, а тут же превращает в заклятия.

– А как она выглядит?

– Не похожа на прочих фей. Да уж лучше тебе никогда в глаза ее не видеть!

– А где она живет? – не отставала я.

Может, удастся ее разыскать и убедить снять заклятие. Ведь и Мэнди иногда ошибается.

– Мы с ней не разговариваем. Еще мне не хватало следить за перемещениями Люсинды Придурочной! Эй, миску не урони!

Поздно. Пришлось мне взять метлу.

– Неужели все Друзья Фей такие неловкие?

– Нет, лапочка. Фейская кровь не делает неуклюжими. Это в тебе человеческое. Ты хоть раз видела, чтобы я била посуду?... То-то же.

Я взяла веник, но оказалось, что это лишнее. Осколки сами собрались в кучку и запрыгнули в мусорное ведро. Я остолбенела.

– Ничего серьезнее я не делаю, солнце мое, только мелкое колдовство, от которого никому вреда не будет. Хотя и от него есть польза. На полу не останется острых осколков.

Я заглянула в ведро. Осколки лежали там аккуратной горкой.

– А почему ты не превратишь их обратно в миску:

– А это уже серьезное колдовство. На вид не скажешь, но серьезное. Так можно кому-то навредить. Заранее не угадаешь.

– Ага, получается, будущее феи не предсказывают. Если бы предсказывали, ты бы знала, можно или нельзя.

– Будущее мы не видим – как и вы, люди.

Это по гномьей части – у них-то ясновидящих полно.

Где-то в доме зазвенел колокольчик. Отец звал кого-то из слуг. Мама никогда не звонила.

– А ты была феей-крестной моей прабабушки? – Вопросы прямо роились и жужжали у меня в голове. – А ты давно наша фея-крестная?

В самом деле, сколько Мэнди лет?

Тут вошла Берта:

– Барышня, сэр Питер просит вас к себе в кабинет.

– Зачем? – спросила я.

– Не говорит. – Берта встревоженно вертела в пальцах кончик косы.

Впрочем, напугать Берту – дело нехитрое. Чего тут бояться? Отец хочет со мной поговорить. Было бы странно, если бы не хотел.

Я вытерла тарелку, потом еще одну, потом третью.

– Барышня, вы бы поскорее, – попросила Берта.

Я потянулась за четвертой.

– Ты уж лучше сходи, – сказала Мэнди. – Кстати, передник ему не понравится.

Мэнди тоже испугалась!

Я сняла передник и побежала к отцу.

И остановилась на пороге кабинета. Отец сидел в мамином кресле и глядел на стоявший на столе сверток.

– А, вот и ты. – Он поднял голову. – Подойди поближе, Элла.

Я уставилась на него исподлобья – нечего мне приказывать! И сделала шаг вперед. В эту игру я играла с Мэнди – вроде бы слушаешься, а вроде бы и нет.

– Элеонора, я попросил тебя подойти поближе.

– Я и подошла.

– Надо еще ближе. Я не кусаюсь. Просто хочу получше тебя узнать.

Он подошел ко мне, подвел к столу и усадил в кресло напротив.

– Ты когда-нибудь видела подобное великолепие? – Он развернул сверток. – Возьми. Осторожно, тяжелое. На.

«Не знаю, что это, но раз оно так нравится отцу – возьму и уроню!» – заранее решила я. Но все-таки посмотрела, что он мне дает, – и передумала.

Это был фарфоровый замок размером с два моих кулака – с шестью миниатюрными башенками, в каждую из которых можно было вставить свечку. Ой! Между окошками в двух башенках была протянута тонюсенькая фарфоровая ниточка – надо же, с развешанным бельем! Кальсоны, халат, детский слюнявчик – все прямо крохотуличное! А из другого окна, пониже, махала шелковым шарфом улыбающаяся нарисованная девушка. По крайней мере, с виду шарф был совсем как шелковый.

Отец забрал у меня замок.

– Закрой глаза.

Я услышала, как он задвигает тяжелые шторы. И решила подсмотреть из-под ресниц. Я ему не доверяла.

Он поставил замок на каминную полку, вставил свечки и зажег.

– Открой глаза.

Я подбежала посмотреть. Замок превратился в сияющую сказку. От огня по белым стенам побежали перламутровые разводы, а окна засверкали золотом, словно внутри горели веселые светильники.

– Ух ты... – только и вымолвила я.

Отец раздвинул шторы и задул свечи.

– Прелесть, правда?

Я закивала.

– Где ты это взял?

– У эльфов. Это эльфийская работа. В керамике они чудеса творят. Это сделал один ученик Агаллена. Я всегда хотел подлинного Агаллена, но так и не смог достать.

– Куда ты его поставишь?

– А куда ты хочешь, Элла?

– На подоконник.

– А не в твою комнату?

– Куда угодно, главное – на подоконник.

Тогда замок будет смотреть на всех – и в доме, и на улице.

Отец долго глядел на меня и ничего не говорил.

– Хорошо, я скажу покупателю, чтобы поставил его на окно?

– Как? Ты его продашь?!

– Элла, я торговец. Я продаю и покупаю. – И он заговорил словно бы сам с собой: – Может быть, удастся выдать его за подлинного Агаллена. Никто не отличит. – Он снова посмотрел на меня. – Ну вот, теперь ты знаешь, кто я такой: сэр Питер, торговец. А ты кто?

– Дочь, у которой раньше была мать.

Он даже слушать не стал.

– Кто такая Элла?

– Девочка, которой не нравится, когда ее допрашивают.

Он остался доволен.

– Надо же, у тебя хватило храбрости так со мной разговаривать. – Он оглядел меня. – Мой подбородок. – Он коснулся его, и я отпрянула. – Сильный. Волевой. Нос тоже мой. Надеюсь, тебя не огорчает, что у тебя иногда раздуваются ноздри. И глаза мои – только у тебя они зеленые. Почти все лицо – мое. Интересно, каким оно будет, когда ты станешь взрослой.

Да как он смеет говорить со мной, будто я портрет, а не живая девочка?

– Что же мне с тобой делать? – спросил он самого себя.

– Зачем тебе что-то со мной делать? – не поняла я.

– Нельзя же, чтобы из тебя выросла помощница кухарки. Надо дать тебе образование. –

Тут он сменил тему: – Как тебе дочки ее сиятельства Ольги?

– Они меня не утешили, – ответила я.

Отец расхохотался – да-да, расхохотался, откинув голову и приподняв плечи.

Что тут смешного? Мне не нравилось, когда надо мной смеялись. От этого мне захотелось сказать об этих мерзких Хетти и Оливии что-нибудь хорошее.

– Наверное, они хотели как лучше.

Отец вытер выступившие на глазах слезы.

– Как лучше они точно не хотели. Старшая – гнусная интриганка, вся в мамашу, а младшая – попросту слабоумная. Им в голову не придет хотеть как лучше. – Тут голос у него стал задумчивый. – Ее сиятельство Ольга знатна и богата.

При чем тут это?!

– Может быть, отправить тебя в пансион вместе с ее дочками? Научишься ходить не как слоник, а как положено грациозной юной девушке...

В пансион! Без Мэнди! Там мне все время будут говорить, что делать, и придется слушаться! И будут искоренять мою неуклюжесть, и не смогут! И будут меня наказывать, а я буду мстить, и меня опять будут наказывать...

– Почему мне нельзя остаться дома?

– Пожалуй, можно приставить к тебе гувернантку. Если найти гувернантку...

– Отец, мне бы гораздо больше хотелось гувернантку. Если у меня будет гувернантка, я буду очень стараться!

– А если нет, то нет? – Он поднял брови, но мне было видно, что все это ему нравится.

Потом он встал и направился к письменному столу, за которым мама просматривала наши хозяйственные документы. – Ну, иди. Мне надо поработать.

Я ушла. На пороге я обернулась и сказала:

– А может, слоников в пансионы не допускают. Может, слоникам и образования не полагается. Может, они... – Я осеклась.

Отец снова расхохотался.

Глава пятая

Назавтра я должна была ужинать с отцом. Сидеть за столом мне было трудно, поскольку Берта заставила меня надеть модное платье с очень пышной юбкой.

На тарелки нам с отцом положили спаржу под горчично-эстрагоновым соусом. Перед отцовским прибором стоял граненый хрустальный кубок.

Когда я худо-бедно устроилась на стуле, отец подал Натану знак наполнить кубок вином.

– Посмотри, как играет свет, Элеонора. – Отец поднял кубок. – Вино сверкает, словно гранат.

– Красиво.

– Только-то? Красиво – и все?

– Ну, наверное, очень красиво... – Полюбить этот кубок? Еще чего. Отец ведь и его продаст.

– Пожалуй, он тебе больше понравится, если ты отведаешь из него вина. Ты когда-нибудь пробовала вино?

Мэнди мне не разрешала. Я протянула руку за кубком и угодила пышным рукавом прямо в горчично-эстрагоновый соус.

Но до кубка было еще далеко. Пришлось встать. Я наступила на юбки, потеряла равновесие и повалилась вперед. Чтобы не упасть, я резко оперлась рукой о стол и задела отца за локоть.

Отец выронил кубок. Кубок упал и раскололся пополам – отломилась ножка. На скатерть выплеснулся длинный алый мазок, вино брызнуло на отцовский камзол.

Я вся сжалась, ожидая взрыва ярости, но отец меня удивил.

– Зря я тебе предложил, – сказал он, промокая камзол салфеткой. – Ведь с первого взгляда было понятно, что ты немного не в себе.

Натан с горничной, которая прислуживала за столом, убрали скатерть и разбитый кубок.

– Прошу прощения, – выдавила я.

– От этого хрусталь не срастется, верно? – сердито бросил отец, но тут же взял себя в руки. – Извинения приняты. Сейчас мы пойдем переоденемся и вернемся за стол.

Через четверть часа я пришла в столовую в домашнем платье.

– Сам виноват, – сказал отец, отрезая кусочек спаржи. – Это из-за меня ты выросла дубиной стоеросовой.

– Я не дубина!

Мэнди за словом в карман не лезла – но и она никогда так меня не называла. Неумехой, растяпой, растеряшей – но не дубиной. Спотыкашкой, косорукой, недотепой – но не дубиной.

– Но ты еще молода и можешь всему научиться, – как ни в чем не бывало продолжал отец. – Наверное, стоит когда-нибудь отправить тебя в цивилизованное общество.

– Не люблю цивилизованное общество.

– Может статься, мне понадобится, чтобы цивилизованное общество любило тебя. Все, я решил. Ты поедешь в пансион.

Нет, не поеду! Не могу!

– Ты говорил, мне можно нанять гувернантку. Разве это не дешевле, чем отправить меня в пансион?

Горничная забрала у меня тарелку с нетронутой спаржей и поставила передо мной эскалоп и томатное заливное.

– Как трогательно, что ты тревожишься о деньгах. Гувернантка обойдется гораздо дороже. К тому же у меня нет времени отбирать претенденток. Через два дня ты поедешь в пансион с дочками ее сиятельства Ольги.

– Не поеду.

А он словно и не слышал меня:

– Я написал письмо директрисе – ты передашь его вместе с кошельком, в котором столько золотых джеррольдов, что она сразу согласится взять еще одну ученицу, пусть и без предупреждения.

– Не поеду.

– Элеонора, ты поступишь, как я скажу.

– Я никуда не поеду.

– Элла... – Он положил в рот кусочек эскалопа и говорил, не переставая жевать. – Твоего отца нельзя назвать добрым человеком, о чем, конечно, тебя уже предупредили слуги, поправь меня, если я ошибаюсь.

Я поправлять не стала.

– Вероятно, они упоминали о том, что я думаю только о себе, – да, так и есть. Наверное, они предупреждали, что я быстро теряю терпение, – да, быстро. Еще они говорили, что я всегда добиваюсь своего. Да, всегда.

– Я тоже, – соврала я.

Он восхищенно улыбнулся мне:

– Моя дочь – самая отважная девчонка во всей Киррии. – Улыбка погасла, губы сжались в твердую тонкую линию. – Однако она все равно поедет в пансион, даже если мне придется самому ее отвезти. И это будет отнюдь не увеселительная поездка, особенно если из-за тебя мне придется упустить время на торговые дела. Ясно тебе, Элла?

Разозленный отец напоминал мне кожаный кулак на пружине, какие бывают в балаганах у кукольников на ярмарках. В отце меня пугал вовсе не кулак, а пружина, ведь именно от нее зависит сила удара. Гнев в его глазах был скручен туго-натуго, и я не представляла себе, что будет, если пружина разожмется.

Я терпеть не могу бояться, но тут испугалась.

– Ладно, я поеду в пансион. – И, не сдержавшись, добавила: – Но меня все равно тошнит!

Он снова улыбнулся.

– Тошнит так тошнит, мне все равно, главное – ты поедешь.

Теперь я знала, каково слушаться, когда даже не приказывают, и мне это понравилось еще меньше, чем навязанная Люсиндой покорность. Я встала и вышла из столовой, и отец меня не остановил.

Вечер только начинался. Несмотря на ранний час, я побежала в свою комнату и натянула ночную рубашку. Потом положила в кровать кукол Флору и Розамунду и забралась под одеяло. Я уже давно не орала их в постель, но сегодня мне требовалось утешение.

Я обхватила их и стала ждать, когда придет сон. Но у него, видимо, были дела в другом месте.

У меня выступили слезы. Я уткнулась лицом во Флору:

– Лапочка...

Дверь открылась. Это Мэнди принесла свое коронное бодрящее снадобье и какую-то шкатулку.

Мне и без нее было худо.

– Мэнди, я не буду снадобье. Я хорошо себя чувствую. Честно.

– Ах, солнце мое. – Мэнди поставила чашку со снадобьем и шкатулку, обняла меня и стала гладить по голове.

– Не хочу никуда ехать, – буркнула я ей в плечо.

– Знаю, кроха, – отозвалась она. И держала меня в охапке долго-долго – я уже почти заснула.

Потом она вдруг пошевелилась:

– Пора пить бодрящее снадобье.

– Сегодня пропущу.

– Пропускать нельзя. Тем более сегодня. Не допущу, чтобы ты заболела, как раз когда тебе нужны все силы. – Из кармана передника появилась ложка. – Вперед. Три ложки.

Я собралась с духом. Снадобье было вкусное, орехово-сладкое, но густое и склизкое – будто лягушку ешь. Каждая из трех ложек вязко соскальзывала в горло. Чтобы избавиться от противного ощущения, потом приходилось несколько раз судорожно сглатывать.

Зато мне стало легче – чуть-чуть, но стало. Теперь я хотя бы могла поговорить. И снова пристроилась на колени Мэнди.

– Зачем мама вообще за него вышла:

Этот вопрос мучил меня уже давно – едва я подросла и стала понимать, что к чему.

– До свадьбы сэр Питер был очень обходителен с госпожой. Мне он сразу не понравился, но она меня и слушать не хотела. Семейство ее было против – он был беден, – а от этого госпожа только крепче влюбилась: добрая она была. – Рука Мэнди, утешительно гладившая меня по голове, остановилась на полпути. – Элла, кисонька, постарайся, чтобы он не узнал о твоём заклятии.

– Почему? Что он сделает?

– Очень уж он любит стоять на своем. Будет вертеть тобой, как хочет.

– Мама приказала мне не рассказывать о заклятии. Но я бы все равно не стала.

– Ну и правильно. – Рука снова принялась мерно гладить меня по голове.

Я закрыла глаза.

– Как там будет, а, Мэнди?

– В пансионе-то? Ну, наверняка найдется несколько отличных девчонок. Сядь-ка, лапочка. Неужели не хочешь посмотреть подарки?

Я совсем забыла про шкатулку. Но шкатулка была только одна.

– Подарки?...

– Подожди, по одному.

Мэнди вручила мне шкатулку:

– Это тебе. Носи с собой, куда бы тебя ни занесло. Всю жизнь.

В шкатулке была книга – волшебные сказки. Мне никогда не доводилось видеть таких прелестных картинок. Прямо живые. Я завороченно переворачивала страницы.

– Смотри на нее, вспоминай меня, и тебе полегчает.

– Не буду начинать читать до самого отъезда, чтобы растянуть удовольствие.

Мэнди рассмеялась:

– Не бойся, ее надолго хватит. Она будет расти вместе с тобой.

Потом она пошарила в кармане передника и достала оттуда сверток в папиросной бумаге:

– Это от госпожи. Она бы наверняка отдала его тебе.

Это было мамино ожерелье. Тонкие серебряные нити ниспадали мне почти до талии и сплетались в нежное кружево, унизанное крошечными жемчужинками.

– Вот повзрослеешь немного, солнце мое, и оно пойдет тебе не хуже, чем маме.

– Не буду его снимать.

– Ну, тогда лучше прячь под одежду от посторонних глаз. Да-да, оно дорогое. Гномьей работы.

Внизу зазвенел колокольчик.

– Папаша твой трезвонит.

Я обняла Мэнди и прижалась к ней.

Она выпуталась у меня из рук:

– Отпусти, ласточка.

И ушла, чмокнув меня в щеку.

Я забралась обратно в постель, и на сей раз сон взял верх.

Глава шестая

Наутро я проснулась и обнаружила, что судорожно стискиваю в кулаке мамино ожерелье. Часы на башне дворца короля Джеррольда как раз били шесть. Отлично. Я и собиралась встать пораньше – иначе мне не успеть попрощаться со всеми своими любимыми местечками.

Я надела платье, спрятала под него ожерелье и прокралась в кладовую, а там обнаружился целый поднос свежесдобитых булочек. Булочки были горячие, и я подбросила две штуки в воздух и поймала в подол. Потом, не сводя глаз со своего завтрака, побежала к выходу из дома – и налетела прямо на отца.

Он стоял у порога и ждал, когда Натан подгонит коляску.

– Элеонора, сейчас мне некогда с тобой возиться. Беги сбеги с ног кого-нибудь другого.

И передай Мэнди, что я привезу поверенного. Пусть приготовит нам обед.

Я и побежала – ведь он мне приказал. Мало того что заклятие было опасное, оно вечно ставило меня в дурацкое положение – к тому же, по-моему, это из-за него я была такая неуклюжая. Вот сейчас, например, мне приказали сбить кого-нибудь с ног.

Навстречу шла Берта с тазом мокрого белья. Я послушно налетела на нее, она уронила таз и с размаху села на плиты пола. Мои платья, чулки и панталоны вывалились на пол. Я помогла Берте собрать белье, но теперь ей нужно было все перестирать заново.

– Знаете, сударыня, мне и один-то раз не очень просто собрать вам вещи в дорогу, а тут еще по два раза все переделывать! – отругала меня Берта.

Мне пришлось извиняться, а потом – передавать Мэнди папины слова, а потом – сесть за стол и позавтракать как следует, потому что Мэнди так велела, – и только тогда я наконец отправилась в королевский зверинец под самыми стенами дворца.

Больше всего я любила смотреть на диких зверей и говорящих птиц. Все дикие звери, кроме гидры (она обитала в болоте) и малютки-дракона, – единорог, табунчик кентавров и семейка грифонов – жили на намытом островке, окруженном ответвлением дворцового рва.

Дракона держали в железной клетке. Он был очень красивый – свирепый, но маленький и поэтому не страшный – и, похоже, особенно любил извергать пламя и злобно сверкать рубиновыми глазами.

Я купила у разносчика кусочек желтого сыра и поджарила на драконьем огне – это была та еще задачка: надо было держать сыр не слишком далеко, а то не зажарится, но и не слишком близко, а то дракончик его сцапает.

Интересно, куда король Джеррольд денет дракончика, когда тот подрастет. А еще интересно, вернусь ли я домой и узнаю ли, что с ним случилось.

За клеткой дракончика, на берегу рва, стоял кентавр и смотрел на меня. Едят ли кентавры сыр? Я осторожно подошла ко рву – только бы не спугнуть прекрасное создание.

– На, – сказал сзади чей-то голос.

Я обернулась. Это был принц Чармант, и он протягивал мне яблоко.

– Спасибо.

Держа руку с яблоком перед собой, я двинулась ко рву. Кентавр раздул ноздри и шагнул мне навстречу. Я бросила яблоко. К нему тут же подскакали два других кентавра, но мой поймал угощение и с громким хрустом принялся за еду.

– А я всегда жду, что они поблагодарят меня или скажут: «Чего тарашисься?», – призналась я.

– Они не очень умные, говорить не умеют. Посмотри, глаза у них совсем пустые, – со знанием дела объяснил принц.

Это я и сама знала, но он, наверное, считал, будто это такая обязанность царственной особы – все объяснять подданным.

– Даже если бы они умели говорить, все равно, судя по глазам, сказать им было бы нечего, – заметила я.

Последовало удивленное молчание.

– Остроумно! Ты остроумная. Совсем как госпожа Элеонора. – Лицо у принца потемнело. – Прости. Зря я тебе напомнил.

– Я часто о ней думаю, – ответила я. Не часто, а все время.

Мы двинулись вдоль рва.

– А ты хочешь яблочко? – Принц вручил мне еще одно яблоко.

Мне захотелось снова посмешисть его. Я постучала в землю правым башмаком, словно копытом, мотнула головой, словно гривой тряхнула. Вытаращив глаза, я тупо уставилась на Чара и с громким хрустом надкусила яблоко.

Да, он засмеялся. А потом сделал официальное заявление:

– Ты мне нравишься. Даже очень.

И вытащил из сумки третье яблоко – себе.

Мне он тоже нравился. Он не был ни заносчивым, ни скованным, не то что верховный советник Томас.

Нам кланялись все встречные киррийцы и даже иностранцы – эльфы и гномы. Я не знала, как полагается ответить, а Чар каждый раз поднимал согнутую в локте руку – это был королевский салют. Видно было, что у него это вошло в привычку, – как вошло в привычку все объяснять. Мне, наверное, достаточно низко склонять голову. Ну их, реверансы, того и гляди, шлепнешься.

Мы поравнялись с клетками, где жили попугаи, – еще одно мое любимое местечко. Попугаи болтали на всех языках на свете – и на заморских человеческих, и на наречиях других рас – гномьем, эльфийском, огрском и абдеджи (великанском). Я обожала передразнивать птиц, хотя смысла их слов не понимала.

Смотрителя звали Саймон, и мы с ним дружили. Когда он увидел Чара, то тоже низко поклонился. И отвернулся к клетке – он как раз кормил ярко-оранжевого попугая.

– Новенький, – сказал Саймон. – Трещит по-гномьи не умолкая.

–, фвточор эвтугх брззай иртх иммадбеч эвтугх брззай, – проскрипел попугай.

–, фвточор эвтугх брззай иртх иммадбеч эвтугх брззай, – повторила я.

– Ты говоришь по-гномьи?! – поразился Чар.

– Мне нравится изображать разные звуки. А так я знаю всего несколько слов.

– Фавитчор эвтук бриззай... – Чар махнул рукой. – Нет, у тебя получалось лучше.

–, ачод дх ээйх афчуЗ уочлудвааЧ, – протрещал попугай.

– Вы понимаете, что он говорит? – спросила я Саймона: иногда ему удавалось переводить птичьи реплики.

Саймон мотнул головой:

– А вы, сударь?

– Нет. Булькают – и все.

Саймона позвали другие посетители, он извинился и отошел к ним. А Чар смотрел, как я прощаюсь со всеми птицами по очереди.

–, иккво пвач брззай уведьеЭ. – По-гномьи: «Скоро снова будем копать вместе».

– ахтхООн ШШинг! – По-огрски: «Доброй еды!»

– Аййии о-о-о (тут надо взвыть) бек ааау! – На абдеджи: «Я уже по тебе скучаю!»

– Порр оль песс ваддо. – По-эльфийски: «Гуляй в тени».

Я постаралась запомнить эту картину – и птиц, и Саймона.

– До свидания! – крикнула я ему, а он мне помахал.

Рядом с птичником жили огры, но между ними разбили сад, чтобы попугаи не растеряли перышки от страха. Мы немного погуляли среди клумб, и я поучила Чара кое-каким иностранным словам. Память у него была хорошая, но вытравить киррийский акцент было, похоже, безнадежной затеей.

– Если эльфы меня услышат, в жизни не пустят под деревья.

– А гномы дадут по голове киркой.

– Зато есть надежда, что огры-людоеды сочтут меня недостойным своей трапезы.

Мы как раз подошли к их хижине. Двери были надежно заперты, но все равно вокруг хижины, на расстоянии полета стрелы, стояли на посту гвардейцы. Один из огров исподлобья глядел на нас из окна.

Огры – существа очень опасные, и не только потому, что они такие огромные и жестокие. Они с первого взгляда видят все твои тайны и умеют этим пользоваться. И если хотят, мастерски умеют убеждать. Не успеет огр произнести одну-единственную фразу по-киррийски – а ты уже забываешь и про острые зубы, и про засохшую кровь под когтями, и про клочковатую жесткую щетину. В твоих глазах он становится красавцем, хуже того – добрым другом. А к концу второго предложения он очаровывает тебя так, что может делать с тобой что заблагорассудится – сварить заживо или сожрать сырым, если готовить некогда.

–, пвич аоойех жоаК, – пролепетал нежный голосок.

– Слышал? – спросила я.

– На огрский непохоже. Где это?...

–, пвич аоойех жоаК, – повторил голосок, на сей раз с надрывом.

Из ручья всего в нескольких футах от огрской хижины высунулся малютка-гном, едва выучившийся ходить. Мы с огром заметили его одновременно.

Ой, окно же не застекленное, сейчас огр вытянет руку и схватит малыша! Я бросилась к гномику, но Чар оказался проворнее. Он подхватил кроху за миг до того, как из окна высунулась огрская лапища. И отбежал обратно, прижимая к груди отчаянно извивавшегося гномика.

– Дай-ка его мне, – попросила я, решив, что смогу успокоить беднягу.

Чар сунул его мне.

– сзЕЕ фра миНН, – прошипел огр, свирепо глянув на Чара. – миНН ССинг сзЕЕ. миНН тООш форнс. – Потом он повернулся ко мне – уже с другим выражением. Он рассмеялся. – ммеу нгах суСС хиджиНН эМмонг. миНН вадз сзЕЕ уйв. сзЕЕ ААх орт хахдж эт-ССиф сзЕЕ. – От смеха по щекам у него потекли слезы, оставляя в грязи светлые полосы.

А потом он перешел на киррийский – даже не стараясь улестить меня:

– Иди сюда и принеси мне ребенка.

Я держалась. Надо было сопротивляться заклятию. От этого зависела и моя жизнь, и чужая.

От позыва бежать к нему колени у меня затряслись. Я держалась, и мышцы у меня свело, ноги прострелила боль. Гномик запищал и задержался – я так напряглась, что стиснула его.

Огр все хохотал и хохотал. А потом снова заговорил:

– Слушайся моего приказа. Подойди ко мне. Сейчас же.

Ноги сами шагнули вперед. Я остановилась, и меня снова затрясло. Еще шаг. Еще. В глазах у меня потемнело, я ничего не видела, кроме оскалившейся рожи, которая становилась все ближе и ближе.

Глава седьмая

Куда ты?! – крикнул Чар. Он сразу понял, что со мной что-то неладно.

– Мне... надо, – выдавила я.

– Стой! Я приказываю тебе остановиться!

Я остановилась – и стояла, трясясь с ног до головы, а гвардейцы сомкнули строй вокруг хижины. Они нацелились мечами на огра, а тот посмотрел на меня исподлобья, повернулся и ушел в темную глубину хижины.

– Почему ты его послушалась? – потрясение спросил Чар.

Мне было никак не справиться с малышом. Он отчаянно тербил бородавку и пытался вырваться.

–, пвич аззугх фреЧ! – верещал он.

Я сделала вид, что из-за его визга не слышала вопроса:

– Ах, бедняжка, он ужасно перепугался!

Но Чара было не провести.

– Элла, почему ты его послушалась? Отвечай!

Ничего не попишешь, надо отвечать.

– У него... глаза, – соврала я. – Колдовские... его невозможно не слушаться.

– Значит, они нашли новый способ нас привораживать! – встревожился Чар. – Надо сказать отцу.

Гномик брыкался, заливаясь слезами.

Вдруг его утешат попугайские слова? Если они, конечно, не обидные...

–, фвточор эвтугх брззай иртх иммадбеч эв-тугх брззай, – отважилась я.

Личико у малыша сразу прояснилось, он улыбнулся, сверкнув жемчужными молочными зубками.

–, фвточор эвтугх брззай иртх иммадбеч эвтугх брззай, – повторил он. На круглой младенческой щечке показалась ямочка.

Я поставила его на землю, и мы с Чаром взяли его за ручки.

– Его мама с папой, наверное, волнуются, – сказала я.

Я понятия не имела, как спросить малютку, где они, да он бы, наверное, и не ответил – маленький еще.

Гномов не было ни возле клеток с хищниками, ни у загона с травоядными. Наконец мы заметили старенькую гномиху, которая сидела на земле у пруда. Она свесила голову между колен – сломленная, обессиленная. Рядом сустились другие гномы, они прочесывали кусты и тростники и расспрашивали прохожих.

– ! фречрамМ, – завопил малютка и потянул нас с Чаром к старушке.

Та подняла голову – лицо у нее было мокрое от слез.

– ! жульФ.

Она крепко обняла потеряшку и расцеловала ему личико и бороду. А потом посмотрела на нас – и узнала Чара.

– Ваше высочество, спасибо, вы вернули мне внука!

Чар смущенно кашлянул.

– Мы были рады привести его вам, сударыня, – проговорил он. – Дитя едва не угодило огру в зубы.

– Чар – принц Чармант – спас его, – добавила я. И меня заодно.

– Гномы будут вечно вам благодарны, – поклонилась гномиха. – Меня зовут жатаФ.

Ростом старушка была едва ли выше меня, зато гораздо шире – не толще, а именно шире: взрослые гномы продолжают расти в ширину. Я в жизни не видела лиц, исполненных такого

достоинства, – да и никого старше, пожалуй, тоже не видела, кроме разве что Мэнди, да и то неизвестно. Морщины налезают на морщины, мелкие складочки пергаментной кожи теснились в крупных. Глаза у гномов были глубоко посаженные, некогда медного цвета, но теперь потускневшие.

Я сделала реверанс – ну вот, конечно, чуть не упала!

– А я Элла.

Подожли остальные гномы и обступили нас.

– Как вы заманили его сюда? – спросила жатаФ. – Обычно мы с людьми никуда не ходим.

– Элла его уговорила. – Похоже, Чар мной гордился.

– Что вы ему сказали?

Я смутилась. Одно дело – передразнивать попугаев или дурачиться с малышом. А опозориться перед этой величественной старой дамой – совсем другое.

–, фвточор эвтугх брззай иртх иммадбеч эв-тугх брззай, – проговорила я наконец.

– О, тогда не стоит удивляться, что он пошел с вами, – улыбнулась жатаФ.

– ! фреЧ, – радостно завопил жульФ. И завертелся в бабушкиных объятиях.

Его взяла на руки другая гномская дама, помоложе.

– Где вы научились говорить по-гномы? – спросила она. – жульФ – мой сын.

Я залилась краской и рассказала про попугаев.

– А что я ему сказала?

– Это поговорка. Мы часто так приветствуем друг друга, – объяснила жатаФ. – На кирыйский это переводится «Работай киркой и лопатой – и станешь большой и богатый». – Она протянула мне руку. – жульФ – не единственный, кого вы спасете. Я это вижу.

Что еще она видит, интересно? Мэнди говорила, некоторые гномы умеют предсказывать будущее.

– Вы знаете, что меня ждет?

– Нет, в подробностях не знаю. Гномы не видят, какое платье вы наденете завтра или о чем будете беседовать, – для нас это тайна. Я вижу только общие очертания.

– И что же?

– Опасный путь, три фигуры. Они близко, но вам не друзья. – Старушка выпустила мою руку. – Остерегайтесь их!

Когда мы вышли из зверинца, Чар сказал:

– Сегодня я велю утроить стражу вокруг хижины огров. А скоро поймаю кентавра и подарю тебе.

* * *

Ее сиятельство Ольга была дама пунктуальная. Она с дочками прибыла как раз вовремя, чтобы пронаблюдать, как на крышу кареты пристраивают мой сундук и бочонок бодрящего снадобья.

Отец вышел меня проводить, а Мэнди стояла поодаль.

– У тебя, оказывается, совсем мало вещей! – поразились Хетти.

– Гардероб Эллы не соответствует ее положению в обществе, сэр Питер, – поддержала дочку ее сиятельство. – У моих девочек восемь сундуков.

– Матушка, у Хетти пять с половиной сундуков! А у меня остается только... – Оливия умолкла и подсчитала на пальцах. – Мало. У меня мало сундуков, это нечестно!

Отец любезно улыбнулся:

– Так мило с вашей стороны взять Эллу под свою опеку, ваше сиятельство Ольга. Надеюсь, она не слишком вас обременит.

– Меня? Что вы, меня она вовсе не обременит, дорогой мой. Я же не еду с ними.

От слов «дорогой мой» отца перекосило.

– Их сопровождают кучер и два лакея, – продолжала Ольга. – Они защитят от кого угодно, кроме огров. А от огров я едва ли смогу их уберечь. К тому же без старухи-матери им будет веселее.

Отец помолчал, а потом сказал:

– Не говорите так. Нет, вы не старуха и никогда ею не будете. – И повернулся ко мне: – Хорошо тебе доехать, дитя мое. – Он поцеловал меня в щеку. – Я буду скучать.

Вранье.

Лакей открыл дверцу кареты. Хетти и Оливию церемонно подсадили. Я бросилась к Мэнди. Разве можно уехать, не обняв ее напоследок?

– Сделай так, чтобы они все исчезли. Ну пожалуйста! – шепнула я.

– Ох, Элла, лапочка... Все будет хорошо! – И Мэнди крепко стиснула меня.

– Элеонора, твои подруги ждут, – окликнул меня отец.

Я забралась в карету, пристроила в угол козловую дорожную сумку, и мы тронулись. Чтобы успокоиться, я потрогала мамино ожерелье, надежно спрятанное под платьем. Будь мама жива, не пришлось бы мне катить из дома неизвестно куда в компании этих гадюк.

– А я бы нипочем не стала обниматься с кухаркой. – Хетти картинно содрогнулась.

– Еще бы, – ехидно улыбнулась я. – Никакая кухарка не согласится.

Тогда Хетти вернулась к прежней теме разговора:

– У тебя так мало вещей, другие девочки, наверное, примут тебя за нашу служанку.

– А почему у тебя платье спереди топорщится? – спросила Оливия.

– Там что, ожерелье? Зачем ты прячешь его под одежду? – спросила Хетти.

– Оно, наверное, ужасно некрасивое, – догадалась Оливия. – Вот почему ты его не показываешь.

– Нет, оно не некрасивое.

– Покажи. Мы с Оливией очень хотим посмотреть.

Приказ. Я вытащила ожерелье. Ладно, не страшно. Здесь нет воров.

– Ой! – восхитилась Оливия. – Даже красивее самой красивой маминой цепочки!

– С таким ожерельем никто не примет тебя за служанку. Очень тонкая работа. Только оно тебе длинновато. – Хетти потрогала серебряные нити. – Оливия, смотри, какой нежный молочный отлив у жемчужин!

Оливия тоже потянула руки к ожерелью.

– Отпустите! – Я отодвинулась.

– Мы его не испортим. Можно, я его померяю? Матушка всегда разрешает нам мерить украшения, мы никогда ничего не портим.

– Нельзя.

– Ну дай! Дай!

Приказ.

– Я что, обязана?

Само сорвалось. Надо было придержать язык!

Глаза у Хетти так и засверкали.

– Да, обязана. Дай ожерелье.

– На одну минуту, – предупредила я и расстегнула замочек. Медлить я не стала. Нельзя, чтобы эти гадюки видели, каких трудов мне стоит сопротивляться.

– Застегни у меня на шее...

Я послушалась.

– ... Оливия.

Она приказывала не мне, а сестрице!

– Ах, спасибо, милочка. – Хетти откинулась на сиденье. – Я прямо рождена для подобных драгоценностей.

– Элла, дай мне его примерить, – сказала Оливия.

– Подрасти сначала, – отозвалась Хетти.

Но мне пришлось послушаться. Я отчаянно старалась сопротивляться приказу Оливии, но тут начались обычные мучения – заболел живот, загрохотало в висках, перехватило горло.

– Теперь ее очередь, – выдавила я сквозь стиснутые зубы.

– Видишь? – проныла Оливия. – Элла говорит, можно!

– Оливия, я лучше знаю, что тебе можно, а что нельзя. Вы с Эллой еще маленькие...

Я бросилась к ней и расстегнула ожерелье – она и глазом моргнуть не успела.

– Элла, не давай его Оливии! Отдай мне! – приказала Хетти.

Я послушалась.

– Дай мне, Элла! – завопила Оливия. – Хетти, ну ты и злюка!

Я выхватила ожерелье у Хетти и сунула Оливии.

Хетти посмотрела на меня, подняв бровь. Плохо дело: до нее стало доходить, что происходит.

– Мама надевала это ожерелье на свадьбу, – сказала я, чтобы ее отвлечь. – И ее мать...

– Элла, а ты всегда такая послушная? Верни мне ожерелье.

– Я ей не отдам! – взвилась Оливия.

– Отдашь, а не то не видать тебе сегодня ужина!

Я забрала ожерелье у Оливии. Хетти застегнула его у себя на шее и погладила с довольным видом.

– Элла, вот бы ты его мне отдала! В знак нашей дружбы.

– Мы не дружим.

– Нет, дружим. Я тебя просто обожаю. И Оливия тоже тебя любит, правда, Оливия?

Оливия серьезно кивнула.

– По-моему, ты мне все равно его отдашь, если я прикажу. Элла, отдай его мне в знак нашей дружбы. Я приказываю.

Ни за что! Хетти его не получит!

– Бери.

Слова сорвались сами.

– Ой, спасибо! Оливия, какая у нас щедрая подруга! – И Хетти тут же сменила тему: – Слуги плохо вымели пол в карете. Смотрите, вот там лежит комок пыли – безобразие! Нам не годится ехать в грязи. Элла, подбери его.

Этот приказ был мне по душе. Я схватила комок пыли и втерла его Хетти в лицо.

– Тебе идет, – сказала я.

Но радость оказалась мимолетной.

Глава восьмая

Хетти ничего не знала ни про Люсинду, ни про ее проклятие, но все равно сообразила, что мне приходится всегда слушаться ее приказов. Когда я втерла грязь ей в лицо, она только улыбнулась. Эта улыбка означала, что комок пыли отнюдь не перевешивает ее власти надо мной.

Я забилась в угол кареты и уставилась в окно.

Хетти не приказала мне отдать ожерелье навсегда. Может, сорвать его через голову – через ее огромную башку? Или сдернуть с шеи? Лучше пусть оно порвется, чем достанется Хетти!

Я попыталась так и сделать. Силой воли заставляла руки двигаться, пальцы – сжиматься. Но чары мне не позволяли. Вот если кто-нибудь другой прикажет мне заорать у Хетти ожерелье, я послушаюсь. Но самой мне его не вернуть. Тогда я заставила себя смотреть на ожерелье: надо привыкать к этому зрелищу – мамино ожерелье на Хетти. Я смотрела, а Хетти поглаживала его, наслаждаясь победой.

Правда, через несколько минут глаза у нее закрылись. Губа отвисла, и Хетти захрапела.

Оливия пересела на мою сторону кареты:

– А я тоже хочу подарок в знак нашей дружбы, – сообщила она.

– Давай лучше ты мне что-нибудь подаришь.

Оливия наморщила лоб еще сильнее:

– Нет. Это ты мне что-нибудь подари.

Приказ.

– Что ты хочешь? – спросила я.

– Денег. Дай мне денег.

Отец, как и обещал, вручил мне кошелек, полный золотых джеррольдов. Я порылась в сумке и достала одну монету:

– На, держи. Теперь мы подруги.

Она плюнула на монетку и потеряла, чтобы золото заблестело.

– Да, мы подруги, – подтвердила она. Пересела обратно и стала разглядывать монетку, поднеся поближе к глазам.

Я покосилась на похрапывавшую Хетти. Наверняка ей снится, как еще можно мной вертеть.

Посмотрела на Оливию, которая теперь развлекалась тем, что водила краем монетки себе по лбу и носу. Мне отчаянно захотелось поскорее приехать в пансион. По крайней мере, там придется иметь дело не только с этими гримзами.

Через несколько минут Оливия взяла пример с Хетти и тоже задремала. Убедившись, что обе крепко спят, я отважилась достать второй подарок Мэнди – книгу сказок. Отвернувшись от сестриц, я раскрыла книгу: так и они не сразу ее увидят, и на страницу упадет свет от окна.

Когда я открыла книгу, вместо волшебной сказки там оказалась картинка с Мэнди! Мэнди резала репу. Рядом с репой лежала разделанная курица – утром я видела, как Мэнди ее ошпаривает. Мэнди плакала. Когда она обнимала меня на прощание, я заподозрила, что она едва сдерживает слезы.

У меня тоже защипало глаза, и страница перед глазами расплылась. Но мне не хотелось плакать при Хетти и Оливии – даже когда они спали.

Была бы здесь Мэнди, она обняла бы меня, и я бы всласть выплакалась. А она гладила бы меня по спине и говорила...

Нет. От подобных мыслей я сейчас разревусь в голос. Была бы здесь Мэнди, она бы объяснила мне, почему нельзя превратить Хетти в крольчиху, – это было бы колдовство по-серьез-

ному, а значит, запретное. А я бы в очередной раз задумалась о том, зачем тогда вообще нужны феи.

Помогло. Я посмотрела на сестриц – они по-прежнему дрыхли – и перевернула страницу. На следующей картинке оказалась комната – похоже, во дворце короля Джеррольда: там сидел Чар, а на стене над гобеленами был нарисован герб Киррии. Чар разговаривал с тремя гвардейцами, которые накануне охраняли хижину огров в зверинце.

Интересно, что все это значит. Может быть, удастся найти объяснение на следующих страницах? Там было еще две картинки – но уже не про Чара с гвардейцами.

Слева – план Фрелла. Наша усадьба отмечена флажком с надписью: «Сэр Питер Фреллский». Я провела пальцем вдоль дороги к старому замку, а оттуда – к зверинцу. На юг от Фрелла вела дорога – та самая, по которой мы сейчас ехали; она вела далеко-далеко за край страницы, далеко-далеко от усадьбы сэра Питера Фреллского.

На картинке справа была отцовская карета, а следом за ней ехали три фургона с товаром на продажу, запряженные мулами. Кучер как раз замахнулся кнутом, а рядом с ним на козлах сидел отец – и улыбался, подставив лицо ветру.

Что же дальше?

А, вот и волшебная сказка: «Эльфы и башмачник». Сказку я знала, только здесь у каждого эльфа было свое имя, и я познакомилась с ними лучше, чем башмачник. И наконец-то поняла, почему эльфы исчезли, когда башмачник сделал им одежды. Они отправились помочь одной великанше, которую одолели комары – а разглядеть их она не могла, слишком они маленькие для великанских глаз. Эльфы написали сапожнику благодарственное письмо, но он случайно поставил на него кружку с кофе, письмо прилипло к влажному доньшку, и башмачник его не заметил.

Наконец-то в этой сказке забрезжил смысл.

– Какую интересную книжку ты, наверное, читаешь! Дай посмотреть, – сказала Хетти.

Я подскочила. Если она и книгу у меня заберет, я ее задушу. Книга даже отяжелела, когда я протянула ее Хетти.

Хетти прочитала несколько строчек и вытаращила глаза:

– Тебе такое нравится? «Жизненный цикл кентавровой блохи»?! – Она пошелестела страницами. – «Добыча серебра гномьими методами на опасных территориях»?

– Это же ужасно увлекательно! – воскликнула я, несколько успокоившись. – Хочешь, возьми почитать! Мы же подруги, у нас должны быть общие интересы!

– Нет, это у тебя теперь будут мои интересы, милая. – И Хетти вернула мне книгу.

* * *

В пути я на горьком опыте поняла, чего можно ждать от Хетти.

Когда мы остановились на ночлег в гостинице в первый же вечер, Хетти сообщила мне, что я заняла в карете место, предназначенное для камеристки.

– Но это ничего, нам не придется мучиться: ведь ты ее нам заменишь. – Хетти склонила голову набок. – Нет, ты же у нас почти голубой крови. Было бы оскорбительно делать из тебя служанку. Значит, ты станешь моей фрейлиной, а я иногда буду уступать тебя сестрице. Олли, как ты считаешь, что Элла может для тебя сделать?

– Ничего! Я сама умею одеваться и раздеваться! – обиделась Оливия.

– Никто и не спорит. – Хетти уселась на нашу общую кровать. И задрала ноги. – Встань на колени, Элла, и сними с меня туфельки. Они мне трут.

Я сняла ей туфли, не сказав ни слова. В нос ударил сочный запах ее ног. Я брезгливо взяла туфли двумя пальцами и выбросила в окошко.

Хетти зевнула:

– Сама себе работу сочинила. Ступай вниз, принеси туфли.

Оливия подбежала к окну:

– Они упали в помойную бадью!

Пришлось мне принести вонючие туфли обратно в номер – зато Хетти волей-неволей ходила в них, пока не смогла достать из сундука другую пару. С тех пор она тщательнее продумывала свои приказы.

Наутро за завтраком Хетти объявила, что каша несъедобна:

– Элла, не ешь ее. Отравишься.

И зачерпнула полную ложку овсянки.

От моей тарелки поднимался густой пар, я уловила аромат корицы. Мэнди тоже всегда добавляла корицу в овсянку.

– Почему ты ее ешь, раз она такая плохая? – спросила Оливия сестру. – Я есть хочу!

– Тебе, по-моему, досталась хорошая каша. А я ем свою, давлюсь этой гадостью... – Она слизнула прилипший в уголке губ кусочек. – Ведь мне нужны силы, я же здесь главная и должна доставить вас в пансион в целости и сохранности.

– Никакая ты не глав... – начала Оливия.

– Барышня, вам не понравилась овсянка? – испугался хозяин гостиницы.

– У нашей сестрицы несварение желудка, – ответила Хетти. – Можете забрать у нее тарелку.

– Я им не сестра, – проговорила я, провожая глазами хозяина, который скрылся в кухне.

Хетти засмеялась и выскребла из тарелки остатки каши.

Хозяин вернулся с блюдом, выложенным толстыми ломтями черного хлеба с изюмом и орехами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.